

«В ЖЕРТВУ ОСТАЛЬНЫМ ЦВЕТАМ...»

*Посвящается светлой памяти
Галины Васильевны Бородай*

Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал...

— звучат в душе прозрачные, как небо, стихи Н. Бараташвили. Эти стихи вторят настроению и глубинному смыслу последнего произведения Галины Бородай «Памяти А. Г. Венецианова»... Она ушла из жизни совсем молодой в 1980 году, оставив богатое творческое наследие и добрую память о себе. 12 мая 2009 г. Галине Васильевне Бородай, великолепному живописцу и тонкому лирику, исполнилось бы 60 лет...

Нужно сразу отметить, что формирование Галины Бородай как художника было predetermined фактом ее рождения в семье выдающегося украинского скульптора Василия Захаровича Бородай — Народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР. Закономерным было и поступление Гали Бородай в 1960 г. в Республиканскую художественную среднюю школу им. Т. Г. Шевченко.

В те времена эта школа славилась не только по всей Украине, но и за её пределами. Учеба в этой школе давала хорошую профессиональную подготовку, развивала творческий потенциал юных дарований и, наконец, это было сообщество детей, преданных искусству. Вспоминает одноклассник Сергей Одайник: «Самое главное в годы учебы в РХСШ — удивительная творческая атмосфера, сплоченность учеников и учителей». С какой теплотой выпускники РХСШ 1967г. вспоминают любимых наставников-художников: А. Призанта, Г. Котляра, Е. Дроздову, З. Лерман, Е. Семенова, Б. Литовченко и многих других!

Учеба в этой школе — трамплин в будущее: Киевский государственный художественный институт, куда Галина Бородай поступила в 1967 г. на графический факультет, и где учителями Гали стали известные мастера К. В. Заруба и Л. И. Чичкан.

Рассказывает Сергей Одайник: «После второго курса Галя проходила летнюю практику, и результаты ее работы показали очень серьезное и вдумчивое отношение к творческому процессу: для всех было очевидно, какая это одаренная студентка». И Галину Бородай приглашает к себе в мастерскую монументальной живописи КГХИ (ныне — НАОМА) действительный член Академии художеств СССР Татьяна Ниловна Яблонская. Учиться у Т. Н. Яблонской для любого молодого художника — великое счастье! Вместе с Галиной учился и Сергей Одайник: в 1968 г. они стали мужем и женой. Сразу отметим, что мастерскую Татьяна Яблонская набрала небольшую — всего пять человек. Сама человек талантливый, на редкость трудоспособный и цельный, Т. Н. Яблонская ценила в своих студентах творческое начало, опекала и оберегала талант. Уже потом, спустя много лет, она напишет: «Галина Бородай была одной из любимых моих учениц в мастерской монументальной живописи. В ней — скромной, тихой, внешне малозаметной — всегда пылал творческий огонь. Все ее работы несли на себе печать настоящего таланта, выделялись природным вкусом, внутренней силой и энергией. Мало сказать, что Галина была в работе честной и добросовестной, — она всегда работала очень серьезно, энергично и вдохновенно, внешне ничем не проявляя своего внутреннего творческого горения» [1].

Работы студенческих лет у Галины Бородай отличались четким пониманием поставленной задачи, сильным рисунком, чувством композиции, пластичностью и цветом. Вот что пишет об этом периоде исследователь ее творчества М. Снеговая: «Еще студенткой Бородай работой «Своды Софии» принимает участие в выставке «О Софии Киевской». Позднее она показывает на республиканской и всесоюзной акварельных выставках произведения «Голубой интерьер» и «Натюрморт с лилиями», привлекая внимание зрителей. Так начиналось вхождение художницы в прекрасный мир большого искусства» [2].

Но для дипломной работы была выбрана тема «Наш институт» — витраж интерьера КГХИ. Жаль, что идея так и не осуществилась: эскиз остался в картоне, был сделан лишь фрагмент — 2,25 кв. м, цветное стекло, свинцовая пайка. Специализация в области монументального искусства позволила Галине Бородай создать се-

рию витражей: «Природа», 15 кв. м в г. Донецке, «Зима», 36 кв. м в г. Чернигове; диптих «Человек и природа» и «Биосфера», 40 кв. м, а также диптих «Город будущего» и «Творчество и совершенство», 40 кв. м в г. Киеве (все работы в соавторстве с С. Одайником)..Нужно отметить, что художнице были подвластны различные техники: карандаш и акварель, уголь и пастель, масло и темпера. Как художника-монументалиста, ее интересовал и гобелен (1975г.: «Украинский натюрморт», шерсть, ручное ткачество, 205 x 200)

Изучая каталоги прошлых лет, поражаешься трудолюбию Галины Бородай: она невероятно много работала в разных жанрах и техниках, о чем вспоминала впоследствии Т. Н. Яблонская: «После окончания института ее первые самостоятельные произведения очень часто экспонировались на наших, в основном молодежных выставках. Их всегда отличала какая-то особая поэзия, наполненная тихим прекрасным таинством. Очень быстро талантливая художница заняла одно из ведущих мест среди нашей творческой молодежи» [3]. А главным в профессиональной жизни Галины Бородай было непереносимое желание найти себя: рассказать людям о том, что именно ей бесконечно дорого. Бесспорно, художница находилась все время в творческом поиске, ставила конкретные задачи, решала их, и шаг за шагом эти задачи усложняла. Размышляет Маргарита Снеговая: «Нечасто художнику удается уже в начале творческого пути обрести собственное лицо. Почти всегда — это постепенное накапливание опыта, а главное — освобождение от неизбежных влияний, заученных приемов, стремление к собственному видению мира. Этот путь не миновала и Галина Бородай» [4]. Да, не миновала... И фантастически быстро его преодолела: спешила жить и работать, словно почувствовала еще в юности, что очень скоро будет тот самый, «венециановский», горизонт.

Гармоничный человек и тонкий лирик, с детства Галина Бородай смотрела на мир вдумчивым, внимательным и спокойным взглядом, расставляя приоритеты: вечная красота родной земли, человек, с его повседневными буднями, мир обычных вещей, окружающий его.

Изображение натюрморта для Г. Бородай — это, можно сказать, ее отношение к предметам (всегда выполнено со вкусом и настроением): «Натюрморт с китайской пепельницей» (1968г.), «Виноград в белой вазе» (1971г.), «Капуста и укроп» (1972г.), «Яблоки на французском ковре» (1973г.), «Сухие цветы». (1978г.), «Зеленая ветка» (1979г.), «Цветущие ветки» (1980г.). Художница часто соединяла такой осязаемый мир натюрморта с пейзажем: потрясающая

по лиризму, теплой задушевности работа 1979 г. «Лето в Полесье» — не просто любование природой и окружающими предметами — это отношение к жизни! На переднем плане — букет полевых цветов в глиняном горшочке, коробка с бабочками и сачок, — и зритель словно оказывается рядом с художницей на террасе дома и созерцает любимый полеский пейзаж с полями, холмами, разливами, лесами... «Бородай любила писать натюрморты, пейзажи — непосредственное обращение к природе для нее способ постижения мироздания, познание смысла бытия. И потому работа над картиной для нее всегда и этический акт» [5], — замечает исследователь творчества художницы Лидия Попова и в этой же статье продолжает: «Среду обитания человека художница тоже осознает как главную доминанту своих произведений. Так в одной из первых станковых картин («Комната», 1973г.), изображая погруженного в работу юношу, автор утверждала значение окружающей среды в нравственном формировании человека. Сосредоточенная фигура, повернутая спиной к зрителю, замыкает конкретное пространство и подчеркивает не столько его вечную самоценность, сколько духовное значение: именно здесь, один среди книг, молодой человек может погрузиться в свой внутренний мир. Художница оставляет его в этом мире, с тем, чтобы в последующих работах показать своих героев в соединении с природой» [6].

Работа «Вечереет» (холст, масло, 130 x 120) была написана в 1977 г. по седневским этюдам. В мягкой, лирической манере автор повествует зрителю о красоте уходящего дня, о двух девушках, неторопливым шагом возвращающихся с работы: они идут, беседуют, и фигуры исполнены умиротворенности. К тому же году относятся и сюжетная работа «Как на Дашины именины» (холст, масло, 120 x 90), и автопортрет «У окна» (холст, масло, 150x130). Хочется отметить, что этот автопортрет Г. Бородай является, по-своему, знаковым: на первый взгляд кажется, что изображена на картине повседневная работа художника в мастерской. На переднем плане стоит молодая женщина с мастихином и кисточкой в левой руке, а правой — что-то рисует на холсте, поставленном на мольберт. Но художница усложняет изобразительную задачу, — и зритель видит на втором плане отражение ее спины и затылка в стекле открытого окна. Но существует и третий план — «...самый важный для автора, утверждающий духовную значимость человека-творца. Как бы фрагмент первого, он представляет художницу на фоне неба» [7], — констатирует Л. Попова. Возможно. Только все время не покидает

мысль о подтексте: о том самом «венециановском» горизонте. На картине «На балконе» (холст, масло, 100 x 85), 1978г., Галина Бородай изобразила себя со спины: занимаясь домашними делами, она на балконе развешивает на бельевой веревке постиранный красный шарф. Простые домашние хлопоты... Отчего же так грозно и зловеще воспринимается зрителем фон картины — словно предгрозовое небо?

Хотелось бы немного остановиться на портретных изображениях Галины Бородай в творчестве ее мужа и друга Сергея Одайника: художника тонкого и глубокого, человека цельной натуры. Сергей и Галя были художниками одной школы и исповедовали общие эстетические ценности. Нежный романтик, Сергей Одайник часто писал портреты своей любимой жены: «Сон» (1976г.) — укачивая на руках маленькую дочку, заснула молодая мать в кресле, а на полке сзади — детские башмачки, игрушки, предметы рукоделия. Житейские заботы. Вот только печаль не покидает зрителя...

Холст «Галя» был написан в 1977 году: задумчивое лицо, печальный взгляд — молодая женщина словно погрузилась в свой внутренний мир и чувствует, как она душевно напряжена. К 1977 г. относится и сюжетная работа «Город строится». Биограф творчества Г. Бородай и С. Одайника Лидия Попова пишет: «Не случайно герои и персонажи многих его полотен — он, его близкие, современники художника, все — люди творческого труда, которых он постоянно наблюдает, «локоть» которых постоянно чувствует и которые, как и Одайник, живут делами и днями своей страны. Вместе с женой, художницей Галей, они... идут по стройке нового города...» [8]. Но почему Сергей Одайник именно так построил композицию? Сколько мы знаем полотен той ушедшей эпохи с изображением строек, с «комсомольским» пафосом и задором! А на полотне Одайника изображены две хрупкие фигуры спиной к зрителю: идут куда-то Галя и Сергей... Общий фон написан в светлых тонах, и небо такое бирюзовое... Но фигуры идущих отстранены друг от друга, головы приподняты — очевидно, они смотрят куда-то ввысь. На строящийся мост, или на высокое вечное небо?

Сколько раз Сергей Одайник и Галина Бородай вместе путешествовали, смотря на мир одними глазами, сколько времени было проведено в Седневе — в Доме творчества художников! К этому, седневскому периоду, относится и одна из великолепных работ С. Одайника «Галя. Утренний этюд» 1978 года. Знакомые и любимые красоты мест, где каждый художник хоть раз в жизни побывал. Для

Сергея и Гали эти места были своего рода творческой лабораторией. Прекрасное полесье, воспетое не одним поколением художников... На полотне размером 100x90 на переднем плане изображена сидящая молодая художница, которая пишет утренний этюд. Возможно именно в то утро, когда она писала этот этюд, а Сергей, восхищенный красотой начинающегося дня и юной женой, запечатлел все это на холсте, Галине пришла мысль написать ту самую картину, что станет ее последней... Поистине, прав Гете: «Остановись, мгновение! Ты прекрасно!»

Пройдет год, внезапно наступит страшная болезнь, и, как прощальный аккорд, будет работа над последней картиной... А у С. Одайника будет еще одно полотно, посвященное жене. «Звуки летней ночи» Сергей написал в 1980 г. все в том же Седневе. Галя приехала туда на этюды, необходимыми для окончания работы «Памяти А. Г. Венецианова», над которой она трудилась уже около года (начата была в 1979г.), и, наверное, навсегда проститься с местами, которые были так любимы и с которыми так много в жизни было связано.

Вышедшая в серии «Новые имена» в 1983г. небольшая книга «Сергей Одайник» (автор и составитель Л. И. Попова) так комментирует сюжет картины «Звуки летней ночи»: «По содержанию и художественному решению эта картина — одно из наиболее сложных произведений Одайника. Рассеянный загадочный свет керосиновой лампы и уличного электрического фонаря создают атмосферу таинства и вместе с тем сохраняют достоверность реальных предметов, их конструктивную завершенность. Женщины, сидящие у стола, — тоже как бы порождение разных эпох: одна словно сошла с портрета ХУШ века, вторая, наша современница, нижет бесконечные бусы из ярких плодов рябины, подчеркивая преемственность красоты» [9]. Но Сергей Одайник назвал произведение «Звуки летней ночи», очевидно, не просто. Сидящие за столом две подруги, возможно, слушают, как падают созревшие яблоки в саду, возможно, ведут неспешную беседу, а может, просто слушают тишину... Галя тем последним летом спешила с этюдами к картине («Травы», холст, масло, 50 x 40) и вообще работала много. 1980 год: «Вечереет», «Солнечный свет», «Цветущие ветки», «Полевые цветы», «Покинутый дом» и т. д. — названия работ говорят за себя сами: словно еще и еще раз запечатлеть то, что было так дорого всю жизнь... Можно с уверенностью сказать, что с каждым днем она все чаще думала о смысле жизни, о ее скоротечности и хрупкости, и любящий муж все чувствовал, понимал...

Выбор темы в 1979 г. «Памяти А. Г. Венецианова» не был случайным: Галина Бородай очень любила творчество этого уникального художника, а в 1980 г. исполнялось 200 лет со дня его рождения. Алексей Гаврилович Венецианов родился в Москве, куда его родители переехали из Нежина в середине XVIII века, и вошел в историю искусств как певец русской природы, тонкий знаток крестьянской жизни, взрастивший плеяду учеников и последователей.

Обратимся к А. Бенуа: «Кому в целой русской живописи удалось передать такое истинно летнее настроение, как то, которое вложено в его картину «Лето» (галерея Третьякова), где за несколько угловато посаженной бабой, с чуть выправленным профилем, расстилается чисто русская, уже вовсе не выправленная природа: далекая, желтая нива, зреющая в раскаленном, насыщенном солнцем воздухе! Также удивительная вещь — парная ей «Весна», где опять-таки слегка академизмом отдает только главная фигура женщины, но где в пейзаже задолго до Саврасова, а в сивке — задолго до П. Соколова, выражена вся скромная, тихая прелесть русской весны, милой русской лошаденки» [10].

Совершенно очевидно, что Галина Бородай, как глубокий знаток природы и лирик, именно этим работам в творчестве А. Г. Венецианова отдавала предпочтение. И венцом её творчества стало эпическое, монументальное по форме (камерное по содержанию) живописное полотно «Памяти Венецианова» 1979–1980 гг. размером 175 x 155 мм.

Композиционное построение работы ясное, четкое, можно сказать, лаконичное: на фоне полевой природы стоит на переднем плане молодая, печальная женщина. Она словно поднимается на пригорок, держа в левой руке букетик любимых полевых цветов, а в правой — альбом, карандаши и книгу о Венецианове. Зритель не сразу понимает, что это автопортрет художницы. Её фигура отвечает венециановской стилистике и вызывает в памяти образ крестьянки из картины «На пашне. Весна». Однако в руке у молодой женщины книги, да и платье отличается от русского сарафана, хотя в нем есть народная простота (платье на фигуре Галины соответствует моде конца 70-х гг. XX столетия: у творческой молодежи был очень популярен фольклорный стиль). Правее центральной фигуры расположена списанная из Венецианова группа крестьянок («баба с чуть выправленным профилем»); они естественным образом расположились на холме, покрытом той самой травой и мелкими цветочками из этюда «Травы». И покос у Галины Бородай сродни венецианов-

скому, вот только косарей нет. А есть знакомое поле с разливами, деревьями, кустами и какое-то необыкновенное седневское небо! А Галя, опустив грустный взгляд на землю, которую бесконечно любила, будто бы и не делает особенных попыток подняться на этот пригорок, чтобы быть ближе к нам... «Она идет и как будто мысленно прощается с людьми, с искусством. со всем прекрасным миром» [11], — отметила Т. Яблонская.

Но кажется, особый смысл полотна в одинокой фигурке девочки, стоящей с левой стороны на покосе: она едва обозначена легким прикосновением кисти — рукава белой рубахи и длинный голубой сарафан. Изображение не сразу бросается в глаза — эту девочку, словно видение, зритель обнаруживает лишь при внимательном взгляде на картину. В этой маленькой хрупкой фигурке, вдали на покосе, художница словно показывает начало своего, увы, недолгого жизненного пути...

1. Галина Васильевна Бородай: Каталог. Выставка произведений. — С. 3.
2. Там же. — С. 5.
3. Там же. — С. 3.
4. Там же. — С. 8.
5. Там же. — С. 16.
6. Там же. — С. 17.
7. Там же. — С. 19.
8. Сергей Одайник / Авт. текста и сост. Л. И. Попова. — С. 4.
9. Там же. — С. 47.
10. А. Бенуа. История русской живописи в XIX веке. — С. 73.
11. Галина Васильевна Бородай... — С. 3.